

ОЛЬГА ПАШНИНА
ВАЛЕРИЯ ТИШАКОВА

АКАДЕМИЯ
СМЕРТЕЙ
УЧЕБА ДО ГРОБА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П22

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Пашнина, Ольга.

П22 Академия смертей. Учеба до гроба / Ольга Пашнина, Валерия Тишакова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-96409-3

Неприятности начались, когда их совсем не ждали. Я-то была уверена, что закончила учебу в Академии смертей. Но мой дипломный проект прямо во время защиты... восстал из мертвых и сбежал!

И теперь, чтобы стать дипломированной смертью, мне надо не только вернуть свою работу на полагающееся ей место, но и оторвать руки тому, кто приделал ей ноги, — нахальному несносному некроманту-самоучке. Потом выйти на след загадочной корпорации, обещающей людям бессмертие. А в завершение разобраться, какие цели преследует магистр Смерть — всадник Апокалипсиса и ректор Академии по совместительству.

И если в процессе вдруг придется остаться на второй год, а между парами и зачетами спасти мир — я не откажусь. Размеренная жизнь, спокойствие и прилежная учеба? Вот уж чего нет, того нет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пашнина О., Тишакова В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96409-3

Глава 1

ДИПЛОМИРОВАННАЯ СМЕРТЬ

— Кто провалит защиту, отправится работать аистом!

Грозные слова магистра Смерти звучали у меня в ушах. Последний рывок! Последнее усилие, десять минут позора, и я — дипломированная смерть.

Я неслась через мост вприпрыжку, на ходу сворачивая и запихивая в сумку мантию. Как всегда, проспала. Хорошо хоть, папы дома не было, не пришлось слушать нотации. А вот то, что без завтрака осталась, — это несомненный минус.

На пристани никого не было, только дворник лениво подметал брусчатку.

— Нет! — крикнула я, увидев, что в тумане растворяется худощавая фигура. — Харон! Подожди!

Но лодка уже скрылась вдалеке. Опоздала на какую-то минуту. На собственную защиту! Я готовила диплом почти год, я идеально знала каждую запятую в нем. Я оттачивала теорию месяцами и на протяжении недели круглосуточно искала практическую жертву. И вот теперь из-за глупого желания поспать еще пять минуточек я опоздаю и не получу диплом.

— Ну уж нет! — процедила я сквозь зубы и принялась расшнуровывать ботинки.

Река Стикс¹, безмолвная и спокойная в этот утренний час, отделяла город смертей от академии. Вообще, в академию можно было попасть двумя путями. Первый вел из города смертей, с пирса, где можно было попросить Харона тебя переправить. Второй вел из мира людей, но в этот мир еще выбраться надо было.

Если полезу наверх, точно не успею к защите.

Я как следует застегнула сумку, утрамбовав мантию, папку с дипломом и туфли, перекинула ремешок через грудь и стащила обувь. Постояв некоторое время на краю реки, я наконец решилась. Набрала полные легкие воздуха и нырнула, готовясь к встрече с ледяной водой.

Да, понимаю, почему души не хотят касаться воды. Ну и работенка у Харона...

* * *

К аудитории я пробиралась обходными коридорами, молясь, чтобы не попасться на глаза уборщице. Суровая она была тетка. Среди студентов даже ходила легенда, будто когда-то она была настоящей смертью и после жуткой ошибки (в чем она заключалась, правда, никто из нас придумать не мог) оказалась разжалована в уборщицы академии. Не приведи вечность оставить

---

¹ Согласно греческой мифологии, одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве. Через реку Стикс души перевозят в загробный мир. *(Здесь и далее — прим. автора).*

грязные следы или мусор на подоконнике, есть все шансы получить этой «шваброй смерти» по шее под незабвенное «ходят тут, топчут». А с меня натекло уже целое озеро воды.

Вот и аудитория. Последние шаги к взрослой жизни. Диплом почти у меня в кармане. Только надо себя в порядок привести: не хватало еще шуточек про Титаник и Муму вместо вопросов по дипломному проекту.

Неприятности нашлись, когда я отжимала волосы в кадку фикуса у дверей аудитории. Неприятности имели вид Мора, всадника апокалипсиса, преподавателя и по совместительству моего отца.

— Джульетта! — сердитым шипением, чтобы не было слышно в аудитории, окликнул он меня. — Ты на кого похожа? Почему такая мокрая?

— Дождь? — сделала попытку отмазаться я.

— Где? — Отец выглянул в окно, где была возмутительно солнечная и сухая погода. — И, кстати, где твои колготки? Я же помню, ты вчера нам всем мозг вынесла, пока наряд выбирала. Ты еще три раза требовала подтвердить, что узоры смотрятся прилично!

Вот что значит — мужчина живет с тремя женщинами! Другой отец, нормальный, таких огрехов не заметил бы, но папа, наученный горьким опытом жизни с двумя дочерьми и любимой женой, подмечал даже лишний срезанный сантиметр волос.

Колготки, к слову упокоились в недрах сумки, не пережив попытки заплыва. Вот Харон — за-

сранец! Дождался, пока я окунусь, и вернулся, когда я уже промокла. Надеюсь, чехлы на скамейки я ему все-таки испортила.

Тут мое неумелое вранье прервала хлопнувшая дверь. В коридор со счастливой улыбкой выпал Вячеслав. Парень был какой-то... не слишком адекватный. Я пискнуть не успела, как почувствовала некоторую невесомость.

— Свобода! — кружа меня на руках, ликовал он. — А что это с тобой? Почему с тебя вода течет? Или ты с Ниной встретишься?

— А она уже защитилась? — Я думала, однокурсница до последнего станет тянуть резину, выжидая, пока преподаватели устанут.

— Защитилась.

— Все как обычно?

— А то, — пренебрежительно хмыкнул юноша. — Слезы, сопли и ошеломляющий финал — пятерка.

Я усмехнулась. Кто бы сомневался.

Нина — парадокс красного диплома в действии. С самого первого зачета на первом курсе она объявляла преподавателям, что идет на красный диплом. Те, не желая его «срезать», ставили пять, хотя иной раз больше тройки Нина не заслуживала. Если же препод выражал сомнение в целесообразности работы такого специалиста, в его кабинете начинался потоп. В итоге Нина, конечно, «наревела» на красный диплом. Иногда мне было даже завидно.

Сама я негласно носила прозвище «смерть-катастрофа», хотя к природным и техногенным

бедствиям отношения никакого не имела. Со мной всегда что-то происходило, а все экзамены я сдавала с приключениями.

Так, единственный раз, когда я попыталась схитрить на экзамене, случился на втором курсе. Благодаря вольному образу жизни в общаге к летней сессии у нас как раз нарисовались несколько беременных. Преподаватели их не особо гоняли, чем я по наивности и захотела воспользоваться. Сняла пояс с платья свободного кроя и визуально оказалась на пятом-шестом месяце. Все бы прокатило, если бы слух не разлетелся по всей академии, а всадник Война не поинтересовался у папы, как же он за дочкой не уследил и когда за внука проставляться будет. Папа почему-то в восторг не пришел.

Зато к наказанию, в тон к моей выходке, подошел творчески. Отправил месяц работать на кладбище. Скука смертная, тишина и мертвые с косами, а среди них я. Тоже с косою и — видит вечность — мертвая от скуки! С тех пор на экзаменах и зачетах я надеялась только на себя да на шпору в подкладке мантии.

— Джульетта! — окликнул папа. — Ты про защиту не забыла? Плакаты вешать кто будет? И приведи себя в порядок, ты как выхухоль!

— Ты вообще хоть раз выхухоль видел? — крикнула я ему вслед.

Но папа уже не слышал, у него кончился перерыв, и комиссия начала слушать следующего выпускника. А мне и впрямь стоило поторопиться, если не хотела, чтобы диплом дали из жалости. Впрочем, может, это не такая уж плохая идея?

* * *

Какой смысл в дресс-коде для защищающихся, если под мантией все равно ничего не видно? Но нет же, каждый год бедным смертям выдают целый список бредовых требований. Голые ноги? Неприлично. Платье или юбка, темные цвета — что мы, цирк, что ли, чтобы яркое и позитивное носить? Интересно, они когда-нибудь пытались высушить колготки сушилкой для рук?

Спустя пятнадцать минут о моем заплыве напоминал лишь мокрый пучок на голове. Вот только чтобы развесить плакаты и графики, у меня оставалось всего пять минут.

Едва я воткнула в деревянную раму последнюю кнопку и полюбовалась ровно висящими плакатами, вошла комиссия. Изрядно повеселевшая после короткого перерыва на кофе. Во главе шел бессменный ректор академии — всадник апокалипсиса Смерть, друг моего отца. Впрочем, тот факт, что Смерть еженедельно у нас ужинал, почему-то не добавил мне уверенности в собственных силах.

За ним следовал декан нашего факультета Танатос, а вот присутствие отца не порадовало. Я до последнего надеялась, что он, сославшись на этику, пропустит мою защиту. И как порядочный папа будет сидеть на заднем ряду и волноваться. Но папа оказался непорядочным и выбрал роль преподавателя. То есть за любой косяк меня опустят морально на защите и, если что, добавят дома. А потом еще долго будут подкалывать.

Секретарь приемной комиссии, молоденькая чуть полноватая блондинка-смерть, поставленным голосом зачитала:

— Вниманию комиссии представляется выпускная дипломная работа за авторством адепт-ки Джульетты Мор. Средний балл четыре целых и одна десятая.

Я откашлялась.

— Добрый день, уважаемые члены комиссии. Позвольте представить мою работу по теме «Работа с душой, чье материальное воплощение подверглось воздействию специфических заболеваний в несвойственных им климатических зонах при отсутствии специализированных средств».

Если иначе, то я пыталась рассказать, как быстро и безболезненно отправить по назначению душу мужика, который пренебрегает правилами гигиены в тропических местах земного шара.

Комиссия с выражением лиц «Кто бы сомневался?» покосилась на отца.

Но мне было все равно. Пусть решают, что диплом за меня написал папа, пусть хихикают. Главное — ничего не напутать. Мне надо было коротко рассказать, как вообще все так получилось, какая была душа, а затем подгадать время и отправить ее на перерождение. И все на глазах у комиссии.

Я провела ладонью по плакату, выводя на него изображение мужчины в возрасте. Когда-то он наверняка был здоровяком. Вегетарианец, любитель бега трусцой, ни разу не осквернивший ор-

ганизм картошкой фри. Да только с интеллектом не очень — пить из незнакомого водоема даже мы, смерти, не рискуем. Конечно, мы, в отличие от него, бессмертны. Но кому хочется провести пару часов в уборной, испив водички из неизвестной лужи?

Смерть наклонился к отцу и что-то прошептал. Тот согласно кивнул. Мне почудилось в его глазах удовлетворение, и я ожила. Быстро отграторила всю теорию, провела анализ деятельности души, правильно определила уровень в царстве мертвых. И, наконец, приготовилась к практической части.

— Что ж, адептка Мор, прошу, — кивнул Смерть. — Изымите душу и проводите в царство мертвых. Помогите выбрать новое воплощение и передайте эту работу жизням.

Я затаила дыхание. Важно не упустить момент, когда душа выйдет из тела.

От каждого удара собственного сердца я подсакивала. Наконец поняла — пора.

Я отвернулась от плаката, чтобы, во-первых, переместиться в мир людей, а во-вторых, показать это все комиссии. Но на середине заклинания, что я едва слышно читала себе под нос, комиссия как-то странно напряглась и уставилась мне за спину.

Не выдержав, я умолкла и обернулась. А затем выронила папку с графиками.

Мертвец ожил! Сел, стащил с себя простыню, обернул ее вокруг бедер и с невозмутимой целеустремленностью пошел на выход. Тишина в

аудитории была явно гробовая. Хоронили мой диплом.

— Адептка Мор, как вы это объясните? — периодически срываясь на рык, спросил Смерть, обведя рукой свиток, который сейчас демонстрировал только пустую кушетку.

Вот честно, мне впервые захотелось последовать примеру Нины и пустить слезу с воем «Я больше не буду!». Но это прокатывало в моем исполнении только с мамой, и я сильно сомневалась, что моя опухшая от слез физиономия проймет комиссию. Они и не такое видели.

Смерть мерно постукивал по столу ручкой, нагнетая обстановку. На десятом ударе я уже была готова выпрыгнуть в окно, но дальше меня пугать не стали.

— Неудовлетворительно. Ваш дипломный проект нарушает все законы посмертия, и, честно говоря, иного студента за подобную защиту вышибли бы с треском в мир смертных для подсчета эффективности гибели комаров от нового инсектицида. Да что там нарушает... ваш дипломный проект только что встал и скрылся в неизвестном направлении!

— А вторая уборщица вам не нужна? — вырвалось у меня.

Уж лучше тряпкой махать, чем в мир смертных! Тем более бытовой химии сейчас полно, это не так уж и страшно. Помою пол годик-другой, а там, глядишь, и уломаю папу на поступление в Институт искусств. Мама его закончила, и ничего. Правда, гораздо важнее то, что мама выгодно

вышла замуж и ни дня не работала. Мне такой вариант пока не светил — желающих взять в жены хотячее недоразумение как-то не наблюдалось.

— Нет, места для бездарей в нашем учебном заведении строго лимитированы. Вон отсюда! Будем решать вопрос о вашей переэкзаменовке.

По лицу папы я поняла — лучше не спорить. Смерть вообще суровый, но отходчивый. Есть шанс отделаться малой кровью и пересдать через пару дней, со вторым потоком. Вот только как?

Всю дорогу до пристани я размышляла, что сделала не так. И никак не могла найти фатальную ошибку, приведшую к сбежавшему диплому. Неужели я настолько бездарна, что даже не поняла, как напутала?

Только на пристани я наконец остановилась и огляделась. Рядом никого не было, большинство или сидело по домам, или защищалось. Можно было дать волю чувствам. Самое страшное — разреветься на виду у всех. Тут же начнутся распросы и утешения, приправленные внутренним злорадством. Мол, так ей, дочке препода, даже папочка не поможет, если ты бездарь и неудачница.

Но, к счастью, меня никто не заметил. Немногочисленные адепты делились на две половины. Защитившаяся смоталась в город — отмечать, а не защитившаяся воплощала собой пословицу «перед Смертью не надышишься» и с мрачной решимостью пыталась запомнить то, что писалось в сигаретно-кофейном угаре за одну ночь.

Впрочем, была еще одна группа студентов. Ловцы халявы. С пристани мне было прекрасно

видно, как они тянут руки с зачетками сквозь решетки на окнах. Зачем эти решетки на третьем этаже, я, правду сказать, не понимала, но подозревала, что явились они результатом отчаянной попытки не пустить халяву внутрь и заставить студентов хоть что-то выучить.

Через минуту до моего уха донесся тихий плеск воды, свидетельствующий о том, что Харон впервые на моей памяти изменил своему правилу «под лежащий камень мы всегда успеем» и приплыл по расписанию. Не дожидаясь, пока он причалит, я сняла туфли и пошла навстречу по мелководью. Харон, видя, что я одна, не стал подплывать ближе. Я подпрыгнула и уселась на борт гондолы, затем перекинула ноги и, встав на черное лакированное дно, поспешила занять место, оставляя на нагретом солнцем дереве быстро высыхающие следы.

— Ты издеваешься? — возмутился лодочник, глядя на мое опухшее от слез лицо. — Утром водами Стикса мне все сиденья намочила, теперь сидишь рыдаешь. Что случилось-то? Завалила?

— Угу, — вытирая слезы рукавом мантии, только и смогла выдавить из себя я.

Вдох было сделать сложно, было такое ощущение, что сдавили грудину, я только и могла, что всхлипывать.

Неожиданно перед моим носом оказалась мятная конфетка в блестящем фантике.

— Спасибо, — всхлипнула я и машинально взяла лакомство.

— Ешь, истерика отпустит.